

СТАЛИН И АРМИЯ КРАЙОВА (к формированию позиции советского руководства)

Проблема советского участия в репрессиях в Восточной Европе, имевших место на этапе перехода от войны к миру, занимает одно из важных мест в современной историографии. Она активно разрабатывается применительно к Польше, где репрессии в это время приняли, пожалуй, наибольший размах. Написано на этот счет достаточно много, особенно в констатирующей манере подачи материала. Значительно весомей, на наш взгляд, выглядят работы тех авторов, которые оценивают репрессивные действия СССР в Польше через призму общих геополитических замыслов советского руководства и его концепций послевоенного будущего в восточноевропейском регионе [1—7].

Такой подход дает основания поставить историю репрессий в Польше вообще и в отношении Армии Крайовой, в частности, в рамки широкой проблемы обеспечения Москвой своих долговременных национально-государственных интересов за пределами страны посредством создания «пояса безопасности» по периметру северных, западных и юго-западных границ СССР. Ключевое место во всей советской конструкции предотвращения возможной новой угрозы с запада занимала территория, используя терминологию Сталина, дружественной, а по сути дела, подконтрольной Москве Польши.

Но Советский Союз не был единственным претендентом на послевоенное преобладание в восточноевропейском регионе. Геополитический интерес имела здесь еще в довоенное время и Польша. Польская правящая элита в лице правительства в эмиграции, созданного после сентябрьской катастрофы 1939 г., также была крайне обеспокоена предотвращением после войны повторения внешней угрозы, хотя не только с запада, но и с востока. Она рассчитывала посредством организации региональной системы союзов (конфедераций) создать свой «пояс безопасности». Тем самым польские политики предполагали сделать Польшу ведущим государством в послевоенной Восточной Европе и обеспечить как безопасность страны, так и ее высокие международные престиж и влияние [8, s. 90].

Таким образом, глубинные и долгосрочные цели двух стран в регионе исключали друг друга, что делало практически неизбежным раньше или позже советско-польский конфликт интересов. Учитывая столь сложный геополитический контекст, и следует, на наш взгляд, подходить к судьбе военно-политического подполья, руководимого польским правительством в эмигра

Русскоязычный вариант статьи в обновленной редакции предоставлен автором специально для «Российских и славянских исследований». Впервые текст опубликован на польском языке в сборнике «Represje sowieckie wobec narodyw Europy». Zelyw: Atena, 2005. S. 29—47.

Носкова Альбина Федоровна — ведущий научный сотрудник Центра истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН, доктор исторических наук

но-исторический материал подтверждает, что эти структуры не были для Москвы отдельно стоящей, политически самостоятельной проблемой. Позицию советского руководства в данном случае правомерно считать во многом производной от состояния советско-польских межгосударственных контактов.

Польско-советские отношения и вопрос о послевоенной границе. После нападения Германии на СССР объективной реальностью стало совпадение ближайших целей двух стран на антигитлеровском направлении. Появление общего, столь грозного врага отодвигало, хотя и временно, коренные межгосударственные противоречия на второй план и открывало перспективу активного военно-политического сотрудничества в борьбе с Германией. Заключение 30 июля 1941 г. Соглашения о помощи и взаимной поддержке в войне свидетельствовало о начинавшейся перемене во всем комплексе советско-польских отношений. Это демонстрировали контакты представителей Польши и советского руководства. В беседе с И. В. Сталиным в Кремле 14 ноября 1941 г. польский посол С. Кот говорил о повороте в отношениях двух стран, о том, что «для поляков он связан с именем Сталина», что «Польша и СССР — соседи и у них нет причин для конфликтов». Посол подчеркивал, что налицо «не только наше соседство, но и наше родство по крови». Советский лидер отвечал в той же тональности: «...мы можем начать новую страницу в истории советско-польских отношений и вражду сменить на дружбу... Нужно кончить с обидами... Среди советских руководителей нет ни одного, кто не хотел бы возрождения польского государства и союза с Польшей, независимо от ее внутреннего режима» [9, л. 2—10].

Обозначенные представителями двух стран перспективы советско-польских отношений могли создать условия для «подключения» Союза вооруженной борьбы, организации-предшественницы Армии Крайовой, к взаимодействию двух стран против Германии. Но качественные перемены в межгосударственных отношениях СССР и Польши, о которых так живо писали политики, закончились, едва начавшись. Они натолкнулись на непреодолимое препятствие — взаимоисключающие позиции по вопросу послевоенной советско-польской границы. По-разному понимаемая сторонами, она являлась важнейшим звеном в концепции обеспечения безопасности и независимости каждого из государств.

В Москве рассчитывали добиться безопасности СССР, не только создав систему союзов с сопредельными странами, не только установив свое решающее влияние в восточноевропейском регионе, но и закрепив советские границы на западе, прежде всего на польском направлении, по состоянию на осень 1939 г. Тем самым Советский Союз территориально «продвигался» в Европу, и одновременно решал крайне болезненный для него украинский «вопрос». Это во многом определяло в дальнейшем твердую неуступчивость Кремля в отношении советско-польской границы вообще и украинской принадлежности Львова в частности. Кроме того, собирая почти все населенные украинцами земли в рамках УССР, Москва «отнимала» у активной прогермански и антисоветски настроенной украинской эмиграции столь национально привлекательный тезис создания «соборной Украины».

Польское правительство связывало будущее своей страны с традиционной системой союзов с западными державами и с региональными блоками. Оно рассчитывало на расширение территории Польши за счет Германии, но непременным условием безопасности считало сохранение восточной довоенной границы. Оставляя в стороне проблему исторического права двух стран на территории со смешанным польско-украинско-белорусско-еврейским населением, отметим, что в польском обществе граница, установленная в 1921 г., ассоциировалась с безопасностью Польши на восточном направлении и ее независимостью. Эта граница была «несущим» элементом всей польской геополитической конструкции и рассматривалась как кордон на пути СССР в Европу. Она во многом формировала массовое национальное сознание поляков в

межвоенное время. Таким образом, территориальный спор, решенный силой в 1939 г. в пользу СССР, стал главным раздражителем во всем блоке советско-польских отношений, порождал

комплекс взаимного недоверия и национальных фобий. В разрешении этого спора во время войны советское руководство исходило из боеспособности Красной Армии в противостоянии Германии, предполагало благоприятные для себя военно-политические перспективы в конце войны. О том, что вопрос о советско-польской границе Москва будет решать силой и независимо от позиции своих западных союзников, Сталин еще в мае 1942 г. писал Молотову, находившемуся на советско-английских переговорах в Лондоне [3, с. 157].

Польша со своей стороны надеялась на поддержку Запада, в первую очередь Англии, а также после вывода в 1942 г. Польской армии из СССР на свое весомое военное участие в войне на западном фронте. По мере того как ситуация на восточном фронте менялась в пользу Красной Армии и обозначалась перспектива освобождения страны с Востока, в планах польских политиков все больший вес стал приобретать внутренний фактор обеспечения независимости от Москвы. Речь шла о подчиненных правительству подпольных военно-политических структурах. Важнейшей среди них с 1942 г. была массовая военная организация — Армия Крайова, часть которой составляли партизанские отряды.

Идеологическая основа польского движения Сопротивления и реакция СССР. Принципиальной особенностью польского движения Сопротивления было его рождение в 1939 г. как антигерманского (Германия — враг № 1) и антисоветского (СССР — враг № 2) одновременно, что явилось следствием участия СССР в территориальном разделе Польши осенью 1939 г. В таких условиях требование восстановления независимости и границы 1921 г. стало генеральной национальной идеей, объединявшей абсолютно преобладавшую, хотя политически и разнообразную, часть польского общества вокруг правительства в эмиграции и его подпольных структур в стране. Тогда произошло резкое усиление антисоветских настроений, все более превращавшихся в синдром враждебности, закреплялось восприятие восточного соседа как главного врага поляков¹.

На польской «стороне» антисоветизм, имевший в своей основе и антироссийские корни времен царской империи, идентифицировался с таким особо ценным чувством, как патриотизм, борьба за независимость, а уступка по вопросу восточной границы приравнивалась к национальному предательству. На советской «стороне» к этому явлению подходили со своих идеологических позиций, квалифицируя антисоветские настроения, прежде всего как выражение классовой враждебности к СССР. Подтверждением такого подхода служили события в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. Именно как классово-враждебное, а вовсе не национально-патриотическое явление Москва восприняла возникновение польского подполья на «новых» советских территориях. Как известно, здесь уже на рубеже 1939—1940 гг. активно создавались военно-политические структуры, являвшиеся частью общепольского подполья, которое ставило одной из своих главных целей борьбу за возвращение этих территорий в состав Польши. Подпольные организации довольно быстро были подавлены советской госбезопасностью. В соответствии с применявшимся принципом коллективной вины они сопровождались массовыми арестами (к апрелю 1941 г. — 16758 чел.) и депортациями населения (389382 чел.) в отдаленные районы СССР [10, с. 646; 11, с. 5]. На основе оперативной информации о ситуации в западных районах Украины и Белоруссии, регулярно поступающей в Кремль из НКВД СССР, в советском руководстве уже тогда сложилось представление о

польском подполье как угрожавшем территориальной целостности страны. В ходе допросов арестованных поляков была выяснена его политическая и организационная структура [см. подробнее: 10; 12; 13].

После нападения Германии на СССР создавалась принципиально новая ситуация в Европе и мире. Перед лицом общего врага Советский Союз и Польша стали союзниками по антигитле

¹ Английский полковник И. Джекоб, общавшийся в Москве летом 1942 г. с командующим Польской армии генералом В. Андерсом, отметил в своих записях: Андерс и его окружение «не любили немцев, но русских они ненавидели» [3, с. 383].

ровской коалиции. Но это не повлекло и, как следует из вышесказанного, не могло повлечь кардинального и устойчивого изменения «атмосферы» восстановленных советско-польских отношений. Остававшиеся неизменными представления правящих элит двух стран о национально-государственных интересах и в принципиально иных условиях неизбежно вели к нарастанию противоречий и недоверия. Позиция Москвы «подпытывалась» сведениями о сохранении массовых антисоветских настроений среди польского населения, в том числе среди солдат и офицеров Польской армии на территории СССР. Многочисленные примеры этого ведомства Л. П. Берии получало от своей агентуры и систематически докладывало руководству [14]. С польской «стороны» ожидания того времени, когда два врага Польши — Германия и СССР обессилят друг друга, сменялись нарастающим ощущением опасности с Востока. Правительство ориентировало военно-политическое подполье не только на сопротивление гитлеровским оккупантам, но и на предстоявшее в случае наступления Красной Армии на запад противостояние СССР.

Советское руководство располагало сведениями на этот счет. Информация о намерениях Польши использовать военно-политические организации антигитлеровского подполья в антисоветских целях поступала в Москву по дипломатическим каналам, по линии внешней разведки, которая имела своих резидентов в аппарате правительства и спецслужбах главной союзницы Польши — Великобритании. Как утверждают российские исследователи истории советской внешней разведки, еще с межвоенных времен сохранялась ее надежная агентура среди членов польского правительства, находившегося теперь в Лондоне, и в его аппарате. Имелся также доступ к каналам связи этого правительства с оккупированной территорией, в том числе с Армией Крайовой. Согласно польским исследованиям, существовала советская агентура и в «низах» АК [1, с. 459—460; 13, с. 214]. Документы советского МИДа показывают, что начиная с 1942 г. чехословацкое правительство с согласия президента Э. Бенеша предоставляло Москве всю поступавшую от В. Сикорского документацию о польских планах создания конфедераций в регионе [15, л. 10]. Источником оперативных сведений о ситуации на оккупированных советских и польских землях служило также советское и левое польское партизанское движение.

Как показывают доступные документы российских архивов, длительное время после июня 1941 г. среди поступавшей в Кремль разнообразной информации Армия Крайова не фигурировала как главная и наиболее крупная военная сила польского правительства, действующая на всей территории довоенной Польши. Все военно-политическое подполье представало в этих документах в идейно-политическом отношении одноцветным. Его организационно-политическая структура отчетливо не просматривалась или не вызывала особого интереса осведомителей Кремля. Основными признаками, определявшими облик и цели военно-

политического подполья, отмечались его антисоветская направленность и подчиненность польскому правительству в эмиграции, а не организация и результаты борьбы с гитлеровскими оккупантами. Так, например, 20 января 1943 г. Сталину, Г. М. Маленкову и ряду других высших советских руководителей поступила докладная записка начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Она была озаглавлена «О поведении поляков в некоторых наших задачах» [15, л. 24—30; 16, л. 3—9]. Как следует из содержания документа, автор фиксировал внимание ЦК ВКП(б) на принципиально важных для Москвы политических сюжетах. Анализируя различные польские проправительственные печатные издания, он приводил многочисленные примеры определения в них границы 1921 г. как «стратегической необходимости», как «канона современной польской политики», особой «геополитической ценности», которая позволит Польше быть «важным фактором в Средней Европе». В противном случае, отмечал автор документа, печать называла реальной угрозой Польше быть «16-й республикой» в составе СССР.

Кроме того, Пономаренко констатировал, что в стране, оккупированной гитлеровцами, сохраняются те «польские силы», которые «организуются против нас» и получают «директивы уничтожать представителей советского партизанского движения». В подтверждение этого он приводил слова вице-премьера С. Миколайчика, который призывал поляков пока не оказывать

активного сопротивления гитлеровцам, ибо, цитировался Миколайчик, «иное поведение польского народа лишает союзников силы, которая может сыграть большую роль в конечном этапе борьбы». Автор донесения в Москву рекомендовал советскому руководству в создавшейся ситуации, а это было время завершения битвы под Сталинградом, «использовать антинемецкие настроения польского населения на территории собственно Польши» и «разжечь там партизанскую войну», для чего «послать к весне 80—90 тщательно подобранных и обученных агентов». Он предлагал привлечь к такой работе Центральный партизанский штаб «независимо и параллельно с деятельностью других органов в этом направлении». Эта записка политического деятеля, контролировавшего все советское партизанское движение, демонстрировала достаточно скромные конкретные знания Центрального партизанского штаба о военно-политическом подполье в Польше, хотя и адекватно отражала как массовые антигерманские настроения польского населения, так и действовавшую тогда политическую ориентацию польского правительства на сбережение сил до решающего момента в освобождении страны. Под воздействием документов подобного содержания формировалось отношение высшего советского руководства к польским подпольным структурам, подчинявшимся правительству в эмиграции.

Польские инициативы по установлению военно-оперативного сотрудничества между Красной Армией и Армией Крайовой. Почти одновременно с запиской Пономаренко Сталин получил предложение с польской стороны, высказанное послом Польши Т. Ромером на встрече со Сталиным 26 февраля 1943 г., в ходе которой обсуждались проблемы, накопившихся в непростых советско-польских отношениях. Значительную часть беседы посол уделил рассказу о деятельности польского подполья. Он подробно остановился на разных аспектах борьбы с нацистами (от экономического саботажа до «локальных военных действий» в районе Люблина). Внимание Сталина было обращено на то, что в стране действуют «не партизанские отряды в обычном смысле этого слова». Частями командуют офицеры запаса и кадровые офицеры, которые «строго выполняют инструкции правительства». Была поднята Ромером и проблема всеобщего восстания. Он уведомил Сталина, что населению Польши даются указания не поднимать восстания, так как оно могло быть успешным, «если бы была надежда на скорую поддержку извне, со

стороны польских или советских войск». В противном случае, говорил посол, «немцы ответили бы резкими массовыми репрессиями против польского населения», с чем Сталин согласился [9, л. 13—15].

Но все это было, на наш взгляд, лишь необходимым вступлением к самому важному, с чем пришел польский дипломат в Кремль. Ромер предложил обсудить проблему дестабилизации «польского» тыла гитлеровской армии и организации с этой целью практического взаимодействия подчиненного польскому правительству военно-политического подполья с действующей Красной Армией. Он известил Сталина о подготовке военным подпольем операции по выведению из строя 85 % железных дорог, идущих через Польшу, «ориентировочно намеченной на начало марта» (!). Тем самым Москве давали понять, сколь серьезными военными силами в оккупированной стране располагает польское правительство, и предлагали «установление контакта между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана» [9, л. 14]. Отметим, что Армия Крайова не была упомянута в беседе как главная военная сила этой операции.

Такое предложение содержало в себе не только текущий военно-оперативный замысел, но и далеко идущий политический расчет. Оно было сделано под несомненным влиянием только что состоявшегося разгрома армии Паулюса под Сталинградом. Этот разгром обозначил как весьма вероятные перспективы победы Красной Армии над гитлеровским вермахтом, а значит и прихода Красной Армии в страны Восточной Европы, так и перемены в тактике польского руководства. Многоопытный политический «игрок», по восточному хитрый и дальновидный политик, Сталин, без сомнения, понял политический смысл предложения Ромера. Дать согласие означало сделать подпольные вооруженные силы польского правительства, то есть Армию Крайову,

активным элементом советско-польских межгосударственных отношений и партнером Красной Армии. Военный опыт не мог не подсказывать и другое: такое партнерство, неравноценное с точки зрения боевых возможностей, в дальнейшем могло иметь следствием оперативное «связывание» боевых операций регулярной армии с действиями польских партизанских отрядов, что было не в интересах советского командования. Кроме того, Сталин вряд ли планировал «делиться» с кем-либо политическими плодами побед Красной Армии. Тем более, что ему были известны намерения польского руководства использовать на заключительном этапе войны свой «внутренний фактор» таким образом, чтобы, опираясь на него, наносить удары не только по гитлеровским оккупантам, но и затруднить реализацию планов Москвы в отношении Польши.

Все это определяло весьма осторожный подход советского лидера к проблеме взаимодействия с польским подпольем и, строго говоря, его отрицательный ответ Ромеру. «С эгоистической точки зрения, — ответил Сталин, — с точки зрения Красной Армии всякий шум, хаос в германском тылу очень хорош, но для Польши это мероприятие было бы опасным. Эта операция была бы хороша не теперь, а тогда, когда ее могло бы поддержать всеобщее восстание польского народа». На вопрос польского посла, «когда задуманная поляками операция могла бы иметь большое значение», Сталин дал уклончивый ответ: «Если ход войны позволит наверняка предсказать срок нанесения одновременного удара по германским коммуникациям, то он, тов. Сталин, может об этом сообщить послу, если посол этого пожелает». А пока, сославшись на ответные «сильные репрессии со стороны немцев», он предложил лишь «установить контакт между русско-украинскими и польскими партизанами» вместо «драчки», которая идет между ними. Польскому правительству Сталин порекомендовал «дать указание не пикироваться с украинскими

партизанами» [9, л. 14, 17]. Это говорило о том, что Москву беспокоила ситуация внутри партизанского движения в тылах германской армии, а не проблема, поставленная послом.

Реагируя на замечание посла о том, что «Советское правительство без какого-либо предупреждения сбрасывает в районы действия польских партизан, парашютистов (имеются в виду контакты Москвы с советскими партизанами и левым польским подпольем. — *А. Н.*), действия которых вызывают излишнее кровопролитие среди поляков», Сталин фактически предложил свой вариант помощи польскому подполью: «У нас в тылу немцев есть целые районы, власть в которых партизаны крепко держат в своих руках. В этих районах имеются аэродромы, на которые советское командование при помощи транспортных самолетов перебрасывает оружие, боеприпасы, командные кадры, вывозит оттуда раненых. Если в Польше есть также районы с тайными аэродромами, то советское правительство могло бы оказать помощь польскому партизанскому движению». По этому конкретному предложению состоялся обмен мнениями. Польский посол возражал: «Территория Польши находится под тщательным наблюдением германских войск. Поэтому там невозможно организовать тайные аэродромы и осуществлять связь при помощи самолетов». Сталин настаивал: «... в каком-нибудь лесу можно расчистить поляну и приспособить под временный аэродром. Это сделать нетрудно. Партизаны всегда могут удерживать лес. Наша практика показывает, что немцы не могут ничего поделывать в подобных случаях. Сбрасывание же парашютистов является крайней мерой, которая не всегда надежна» [9, л. 15—16].

Как видно из записи беседы Сталина и Ромера, они не нашли взаимопонимания не только в этом вопросе. Хозяин Кремля не отреагировал на беспрецедентное предложение возратить польскую армию с западного фронта в СССР для участия в боях на советско-германском фронте. Такой аргумент после Сталинграда уже не «работал». «Мы от Польши ничего не хотим, — заканчивал эту часть беседы советский лидер. — Мы, наоборот, поможем Польше, а пока же мы несем на своей спине всю тяжесть войны» [9, л. 32].

Итак, обсуждение вопроса об установлении военно-оперативного взаимодействия Красной Армии и Армии Крайовой, столь значимого для поляков, окончилось безрезультатно. Сталин не дал этому правительству шанс ввести в непростые межгосударственные отношения дополнительный, но в будущем ставший политически существенным фактор — Армию Крайову. Он не

пошел вслед за событиями, автором которых была польская сторона. Тем самым Москва оставила свои «руки» на польском направлении свободными. Вскоре последовал разрыв Москвой отношений с польским правительством и проблема практического взаимодействия с Армией Крайовой на время «снялась» сама собой.

Польско-советский конфликт 1943 г. и английские инициативы по его разрешению. История советско-польского конфликта хорошо известна. Для Москвы, которая остро отреагировала на антисоветский «взрыв» польской печати в Лондоне в связи с немецкой информацией о расстреле польских офицеров осенью 1940 г. под Смоленском, ситуация, складывавшаяся после разрыва отношений, оборачивалась не столько «потерей лица», сколько политической выгодой. СССР получал возможность выбора иного польского государственно-политического партнера. Польша же утрачивала в антигитлеровской коалиции позицию влиятельного субъекта при обсуждении союзниками ее проблем. Она становилась объектом их согласованной или «индивидуальной» политики. Стремление лондонских поляков,

используя подлинную немецкую информацию, политически и морально «обезоружить» Сталина перед союзниками, сыграло контрпродуктивную роль в судьбе их правительства.

Как сообщал 16 апреля 1943 г. советский посол в Лондоне при правительствах «малых» стран А. Е. Богомолов, англичане стремились сдержать «поляков в их желании развернуть бешеную антисоветскую кампанию», в том числе по поводу советско-польской границы, поскольку осознавали появление в новых условиях отрицательной перспективы возвращения этого польского правительства в страну [15, л. 65; подробнее см.: 1, с. 461—462; 5, s. 226—231]. Понимали происходившие перемены не только западные державы, но и Москва, которая перемещала свои условия нормализации советско-польских отношений с вопроса о границе на проблему благоприятного для нее состава польского правительства.

В обстановке, сложившейся после разрыва советско-польских отношений, английская сторона была крайне заинтересована в урегулировании конфликта. В качестве партнера вместо польского правительства она предложила Москве его военно-политическое подполье. 15 и 16 июня 1943 г. посол Великобритании в СССР А. Кларк-Керр направил наркому иностранных дел В. М. Молотову два письма с подробной информацией о деятельности подпольных структур «по прямым указаниям (польского. — А. Н.) Лондона» за период с июня 1942 г. по весну 1943 г. «Польское правительство, — писал Кларк-Керр, — создало в Польше в высшей степени действенную организацию, находящуюся под централизованным руководством, которая в течение длительного времени вносит ценный вклад в дело союзников, и преждевременно пожертвовать которой было бы большой ошибкой». Стремясь вызвать интерес советского руководства к использованию возможностей подполья, посол предлагал его помощь Красной Армии опять же «через разрушение жизненных коммуникаций немцев» [15, л. 157—161]. Предложение английского посла осталось без положительной реакции Москвы, которая в это время допустила создание дивизии им. Т. Костюшко в составе Красной Армии и общественно-политическую активизацию левой польской эмиграции на территории СССР [15, л. 101—105; 17; 18]. Тем не менее не столько эти последние обстоятельства, сколько регулярно поступающая в Кремль информация о политических намерениях польского правительства и подчиненного ему подполья сдерживала Москву от предлагавшихся ей контактов с АК.

Разработка польским военным командованием плана «Буря». В августе 1943 г. Сталину был доложен подготовленный на основе разведанных «Отчет уполномоченного польского эмигрантского правительства в Лондоне, нелегально находящегося на территории Польши, о подготовке националистическим подпольем антисоветских акций в связи с наступлением Красной Армии». В документе речь шла о том, что военное подполье на всей территории довоенной Польши, а именно тайная организация «Войскова», весьма обеспокоены продвижением Красной Армии на запад и планируют восстание в Западной Украине и Западной Белоруссии. И хотя, — писали составители документа, — веры в его успех нет, и заранее ясно, что оно

обречено на поражение, представитель правительства высказывался за проведение такой акции «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим» [1, с. 464]. Этот «показ всему миру» был политически опасен для Сталина, не говоря уже о восстании перед линией советского фронта, восстании, даже обреченном на поражение.

12 октября 1943 г. советская внешняя разведка получила еще одно сообщение на польскую тему от своего источника в Лондоне. В нем говорилось, что польский генеральный штаб «с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию

сопротивления» Красной Армии: «Польские вооруженные силы должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии» [1, с. 463]. Вероятно, это была информация о плане «Буря», который оформился осенью 1943 г. в правительстве и командовании АК. Демонстрацией силы планировалось обеспечить легализацию «подпольного государства», проявить его суверенитет и независимость от СССР. Как пишет польско-английский историк Я. Чехановский, польское правительство «не имело намерения поддерживать Красную Армию в ее продвижении через Польшу и желало сохранить полный оперативный и политический контроль над АК до момента окончательной «?схватки? со Сталиным». Что касается восточных территорий довоенной Польши, то здесь предполагалось «создать скелет подпольной антисоветской организации», чтобы сохранить кадры АК, особенно во Львове и Вильно [7, с. 210—211].

Принципиально важной для Сталина являлась та часть вышеупомянутого сообщения резидента, в которой, по сути дела, передавался долгосрочный политический замысел плана «Буря». С оговоркой, что не все члены правительства поддерживают курс на жесткое противостояние СССР, резидент констатировал следующее: «Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии» [1, с. 609]. Обладание такими сведениями определяло неприятие Москвой неоднократных предложений западных политиков о взаимодействии с военным подпольем, подчиненным польскому правительству, и твердую позицию Сталина по польскому вопросу на конференции глав великих держав в Тегеране [19, с. 163, 164, 167].

Части Красной Армии в начале января 1944 г. пересекли довоенную советско-польскую границу. Обмен протестами польского и советского правительств и участие в нем западных держав показали бесперспективность расчетов польских политиков на уступки со стороны СССР, в том числе по вопросу о границе. Можно предположить, что это понимал премьер-министр Польши С. Миколайчик, который 17 марта 1944 г. в письме политическому руководству подполья писал следующее: «Во всей польско-советской полемике последних недель польскому правительству важно было так дипломатически разыграть спор, чтобы ответственность за то, что он не ликвидирован, а даже обострился, пала не на Польшу, а на Советский Союз». Тем самым польский премьер рассчитывал избежать худшего — нараставшей изоляции правительства страны на международной арене [18, с. 59].

На рубеже 1943—1944 гг. на оккупированной гитлеровцами польских территорий заявил о себе приемлемый для СССР польский партнер — Крайова Рада Народова. Ее делегация 16 марта 1944 г. выехала в Москву, где польская коммунистическая эмиграция также готовилась к участию во власти на освобожденных польских землях. Сталин, как теперь доподлинно известно, тогда же знакомился с программными документами Польского Национального Комитета — предтечи ПКНО [20]. Столь важные перемены, происшедшие в первые месяцы 1944 г., серьезно усложнили положение польского правительства, его подпольных структур и в особенности Армии Крайовой, которая уже в ближайшем будущем могла оказаться лицом к лицу с Красной Армией сначала на спорных, а затем собственно польских землях. Последовали уточнения в рекомендациях, которые правительство направляло в страну командование АК.

Идея

-всеобщего восстания против гитлеровцев угасла несколько ранее, а теперь, в феврале 1944 г. отрядам АК рекомендовалось концентрироваться на бывших восточных «окраинах» Польши и к приходу советских войск легализоваться вместе с представителями польской подпольной административной власти. Сохраняя полную независимость от Красной Армии, они могли предлагать «вступающим на территорию Польской Республики вооруженным силам Советов согласовать взаимодействие в военных операциях против общего врага». Была предусмотрена и страховочная мера — прекращение легализации в случае попыток разоружения и арестов аковцев советскими органами [цит. по: 7, с. 235—236; 21, л. 10].

Анализ этого приказа командованию АК показывает, что его авторы не учитывали принципиально важного момента: советское командование, как и командование любой иной действующей армии, не могло допустить существования в тылу своих войск неподконтрольных ему вооруженных отрядов, дивизий и бригад без предварительных на то политических договоренностей. Таковых не было, и весной 1944 г. советская сторона использовала этот естественный закон военного времени. 9 марта 1944 г. командующие 1-м Украинским фронтом, который выходил в район Ровно—Луцка, и 2-м Белорусским фронтом, который готовился к операциям в Белоруссии, получили директиву Сталина и начальника генштаба Красной Армии А. И. Антонова «О принятии решительных мер к ликвидации вражеских банд в тылу наших войск» [22, л. 73]. Остававшиеся в тыловой полосе отряды АК в случае неподчинения приказам советского командования о разоружении попадали под действие этой директивы. Таким образом, политические установки, которые обязано было исполнять командование АК, вовлекали отряды польского военного подполья в ситуацию западни, ставили их под удар советских военных властей, решавших важнейшую стратегическую задачу — разгром Германии.

Позиции советской и польской сторон накануне и в ходе освобождения территории Польши. В научной литературе высказывается мнение о том, что «под конец марта советское командование было склонно воспринимать АК как независимого союзника в борьбе с Германией, и заключить с ген. Т. Бур-Коморовским военную конвенцию на следующих условиях. Речь шла, во-первых, о полном оперативном подчинении российскому командованию и, во-вторых, о роспуске всех польских подпольных отрядов, находящихся на территориях, занятых русскими. Было ясно, что русские хотели видеть солдат АК в бою, а не в своих тылах». Это суждение историка Я. Чехановского основано на имевшем место факте кратковременного взаимодействия 27-й дивизии АК с 69-й советской армией 2-го Белорусского фронта во второй половине марта на Волыни [23, с. 153—154; 7, с. 243—248].

Доступные сегодня документы из архивов России не дают убедительных оснований для таких однозначных предположений. Позиция Москвы была сложнее. Об этом свидетельствуют те уклончивые ответы, которые в марте 1944 г. Москва направляла союзникам. Они были крайне обеспокоены проблемой легализации отрядов АК в тылах Красной Армии и возможностями их взаимодействия в боевых операциях против гитлеровцев. США и Великобритания пытались по дипломатическим каналам выяснить намерения Москвы в этой связи и не получали желаемого отклика. Так, в меморандуме, врученном советнику посольства США Гамильтону 15 марта 1944 г. заведующим американским отделом НКВД СССР В. Г. Зарубиным, утверждалось, что, несмотря на всеобщую ненависть народа к гитлеровцам, «в Польше все еще нет достаточно эффективного и организованного вооруженного сопротивления врагу». Факт существования АК и ее борьба с гитлеровцами в советском документе не упоминались. Отмечалось другое: в стране действуют «довольно крупные отряды Народной Гвардии и Крестьянских батальонов», которые «наталкиваются на сопротивление сторонников эмигрантского польского правительства». Подобный ответ («еще не встречали каких-либо отрядов ген. Соснковского или польского эмигрантского правительства»)

был направлен 25 марта 1944 г. наркомом В. М. Молотовым английскому послу А. Кларк-Керру, который интересовался возможностями практического взаимодействия частей Красной Армии и отрядов АК [24, л. 111—112, 117].

Такие ответы Москвы показывают, что советское руководство не допускало влияния союзников на определение действий Красной Армии в отношении польского военного подполья и воздерживалось от публичного заявления своей позиции. Между тем от командования 2-го Белорусского фронта 23 марта 1944 г. в Ставку Верховного Главнокомандования поступила информация о том, что 20 марта командование 27-й дивизии АК вошло в контакт с командованием 69-й советской армии. Как пишет Я. Чехановский, перед 27-й дивизией АК была поставлена задача, активизируя боевые действия против гитлеровцев, занять Ковель и Владимир Волянский и, временно войдя в тактическое подчинение советскому командованию, действовать, «как бы опережая советские войска». Что же касается дальнейшего развития событий, то на уровне командования дивизии это признавалось прерогативой «высокой политики» [7, с. 242—243].

24 марта командование 2-го Белорусского фронта получило ответ Москвы на упомянутую информацию. Ставка, а именно Сталин и Антонов считали совместные действия польских партизан с Красной Армией «желательными при условии полного подчинения во всех отношениях только командованию Красной Армии в лице командования Белорусским фронтом». Далее в приказе говорилось: «Двоевластия в военном деле быть не может. Дивизия может иметь связь с кем угодно, с Соснковским или кем-то другим, но в своих действиях она должна подчиняться приказам Красной Армии, если она действительно хочет действовать совместно с Красной Армией против немецких захватчиков». При положительном ответе с польской стороны Москва предписывала командованию фронта обеспечить дивизию «всем необходимым для боя». Кроме того, Ставка приказывала «о результатах переговоров и о польских партизанах вообще доносить регулярно» [25, с. 403]. Отдавая такое распоряжение, Сталин не рисковал ни в военном (силы были не равны), ни в политическом (дополнительный аргумент в контактах с союзниками) отношениях. Советское руководство отчетливо отделяло вопросы военного взаимодействия АК и советских войск против гитлеровской армии от проблем политического урегулирования советско-польских отношений. Командование же АК, напротив, связывало и обуславливало эти две проблемы. Считалось, что перспективой военного сотрудничества станет необходимость «принципиального урегулирования отношений между советским правительством и польским правительством в Лондоне. Это даст возможность согласованного ведения войны с Германией на нашей территории и Советским Союзом и Польшей» [7, с. 245].

Совместные действия против гитлеровцев рассматривались командованием АК, как и польским правительством, в качестве инструмента принуждения Москвы к безусловному ничем восстановлению межгосударственных отношений. Отнюдь неслучайно польская печать в Лондоне, сообщая о событиях на Волини и явно забегая вперед, утверждала: «достигнута полная договоренность о совместных действиях». Такие утверждения должны были вызвать настороженность в Кремле. 15 апреля 1944 г. 1-й секретарь Компартии Украины Н. С. Хрущев «успокоил» советское руководство, которое не привлекали перспективы боевого взаимодействия с отрядами, численность которых оставалась неясной, а политический облик и цели расценивались как враждебные. Он представил Сталину доклад «О лживых сведениях польского эмигрантского правительства о действиях польских партизан». Он констатировал: «Хорошо зная обстановку, хочу сообщить, что нигде и никогда советские партизанские отряды и части Красной Армии на

территории Западной Украины не встречали отрядов польских партизан, которые действовали по заданию польского эмигрантского правительства» [21, л. 23; 25, с. 403—405]. Это заявление Хрущева опровергалось информацией, которая поступала в Москву от более надежных источников.

Начальник Украинского Штаба партизанского движения, комиссар госбезопасности Т. Строкач 23 марта 1944 г. сообщал наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии, что существующие отряды АК не сражаются с оккупантами, а готовятся к борьбе с СССР. Подобная информация приходила в Москву и по линии советской внешней разведки. Нарком госбезопасности Украины С. Р. Савченко 28 марта 1944 г. информировал Сталина о том, что в Западной Украине и

Западной Белоруссии с весны 1943 г. действуют отряды под командованием ген. Бура, которые «готовят кадры для войны с СССР, за создание Великой Польши?». Савченко уведомлял Москву о полученном из Лондона указании ген. Буру: в освобожденных районах входить в соглашение с Красной Армией «для совместных действий» или «любыми способами уходить за Буг». Савченко обращал внимание на факт получения командованием АК распоряжения ген. Соснковского, который рекомендовал не чинить препятствий продвижению советских войск на запад: «пусть большевики освобождают нам Польшу от немцев, а потом мы с ними расправимся» [21, л. 18—20; 26, с. 25—31].

Такие сведения должны были расцениваться в Кремле, как подтверждающие враждебные замыслы, направленные против СССР. Они не могли склонять Ставку к согласию на боевое взаимодействие с Армией Крайовой. Тем более что, повторимся, его можно было истолковать, что и делала польская сторона, как основание и путь к восстановлению двусторонних отношений с «чистого листа», без учета известных советских условий, с чем Москва ни в коем случае не собиралась соглашаться. Поэтому политическую мотивацию можно считать важнейшей причиной появления специальной директивы «О порыве всяких отношений с подпольными отрядами ген. Соснковского», направленной 20 апреля 1944 г. командующему 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовскому [27, л. 152].

Как свидетельствуют документы, с военной точки зрения АК не представляла интереса для Сталина, под началом которого была многомиллионная армия, вооруженная современной техникой и опытом ведения масштабной войны. Он, несомненно, понимал, что отряды АК не могут оказывать эффективного сопротивления вермахту, получал информацию об их недостаточной боеготовности из-за большой нехватки вооружения и боеприпасов, хотя и при большом желании солдат и офицеров АК бороться с гитлеровцами.

В беседе с О. Ланге 17 мая 1944 г. в Кремле Сталин по своей инициативе затронул проблему Армии Крайовой и сказал следующее: «...на днях говорилось о том, что у Соснковского имеются две партизанские дивизии, главари которых пытались установить контакт с советскими войсками. Действительно, на одном из участков нашего фронта наши войска встретили партизанскую дивизию Соснковского. Бойцы этой дивизии ходят в немецких мундирах и, ввиду этого, наши войска, приняв их за немцев, обстреляли их. Поляки дали знать, что они не немцы. Произошла встреча главарей дивизии Соснковского с командованием Красной Армии. Поляки заявили, что они подчиняются Соснковскому и спрашивали, как им быть. Наше командование им ответило, что на войне не может быть двух хозяев, и предложило полякам участвовать в операциях вместе с Красной Армией, обещав им предоставить вооружение. После разговора эти партизаны Соснковского, пришедшие из-за Буга, туда и ушли. Видимо они не согласились с условиями советского командования. Последнее время эти дивизии Соснковского начали распадаться и люди стали десятками переходить на сторону Красной Армии. Часть этих перебежчиков сейчас находится в армии Берлинга. Вот

какая подпольная организация существует у Соснковского. Было две дивизии, а теперь не стало ни одной». Подобную, несомненно, окрашенную политической неприязнью к польскому руководству, характеристику Армии Крайовой Сталин повторил во время встречи в Кремле с С. Миколайчиком 3 августа 1944 г.: «Красная Армия обнаружила, что отряды этой польской подпольной армии очень слабы. Сообщают, что польская подпольная армия не имеет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Борьбы с немцами она не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков. Среди руководителей этих отрядов попадает немало неумных людей» [9, л. 59; 28, с. 71].

Итак, к лету 1944 г. сформировалось отрицательное отношение Сталина к вопросу боевого взаимодействия Красной Армии с Армией Крайовой. Советский лидер подходил к этому вопросу как со стороны политического интереса, так и военной целесообразности. Для Сталина

оставались неприемлемыми намерения польского правительства использовать АК как рычаг давления на Москву и разрушения ее геополитических намерений в регионе. Что же касается судьбы «поляков из польских партизанских дивизий, переходящих на нашу сторону», то, согласно директиве Ставки от 16 мая 1944 г., ее предполагалось решать, направляя их «в распоряжение командарма 1-й польской армии товарища Берлинга» [23, с. 151].

Попытки восстановления польско-советских отношений. Важно отметить другое. Москва все еще не исключала возможность некоторых контактов с польским правительством для создания новой легитимной власти в стране накануне вступления советских войск в Польшу. Эта проблема была для нее важнее многого другого. В упомянутой выше беседе с Ланге Сталин предлагал своему собеседнику совершить поездку в Лондон и в качестве частного лица «поговорить с Миколайчиком или с другими поляками в Лондоне и рассказать им то, что он видел в Советском Союзе». Ланге, как известно, посетил части Польской армии в СССР, встречался с ее командующим ген. З. Берлингом и руководителями Союза польских патриотов. Обсуждались в ходе беседы в Кремле проблемы учреждения польского правительства, альтернативного правительству в эмиграции. Сталин считал, что «нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России» и в связи с этим предлагал Ланге поездку в Лондон. Там, как он считал, «Ланге мог бы сказать, что мы вовсе не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством... Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии. До сих пор случалось так, что, когда советское правительство желало узнать что-либо от польского правительства, в качестве посредника появлялся либо Черчилль, либо Иден. Хорошо было бы переговорить непосредственно с кем-либо из поляков. Он, тов. Сталин, вовсе не считает, что Соснковский не может измениться. Он, тов. Сталин, с известной оговоркой считает Соснковского и других поляков в Лондоне польскими патриотами, Ланге мог бы сказать полякам в Лондоне, что у нас нет предвзятого мнения, что с ними нельзя разговаривать. Но мы хотим разговаривать с живыми поляками, а не с Черчиллем или с Иденом. Ланге может объяснить им, что мы с ними воевать не хотим. Мы на известных условиях готовы с ними договориться с тем, чтобы они не были против нас вместе с Гитлером». Таким образом, Сталин проявлял готовность к переговорам с легитимным польским правительством перед вступлением Красной Армии на территорию Польши. В этой связи, как позитивный

пример восстановления межгосударственных отношений, было названо имя президента Чехословакии Э. Бенеша, который, по мнению Сталина, «гибче, чем поляки в Лондоне» [9, л. 61].

Вместе с тем прозвучало и «предупреждение» — возможен другой вариант решения вопроса о польской власти на освобожденных польских землях. Как известно, в Москву накануне этой беседы с Ланге прибыла делегация КРН, и Сталин не скрывал перед польским гостем своего мнения, что «самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде Национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя». «Национальный Комитет, продолжал он, мог бы заявить, что в данное время нет условий для создания польского правительства. Когда же в него войдут люди, работающие в Польше, он мог бы пригласить других поляков, находящихся вне пределов Польши» [9, л. 58].

Принятие директивы Ставки от 20 апреля и заявления Сталина, сделанные во время встречи с Ланге 17 мая 1944 г., стали своеобразным прогнозом к будущему развитию советской политики на польском направлении вообще и в отношении Армии Крайовой в частности в том случае, если условия Москвы не будут приняты во внимание польским правительством в эмиграции. Состоявшиеся в июне 1944 г. полуофициальные советско-польские переговоры в Лондоне, как известно, не внесли перемен в позиции сторон.

Между тем Красная Армия приближалась к границам Польши. Командование Армии Крайовой сосредотачивало свои силы для участия в боевых операциях по освобождению Вильно и

Львова. Опять же преследовалась неприемлемая для Москвы цель — опередив вступление советских войск в эти города, предстать в роли их национально-политических и военных хозяев. Советская сторона не принимала такой роли и претензий Польши на спорные территории. Первая же попытка командования АК реализовать эти претензии в районе г. Вильно (Вильнюса) силами 5500 тыс. аковцев [7, с. 260; польские ученые называют и значительно более высокие цифры: см. 26, s. 40] повлекла за собой появление директивы Ставки Верховного главнокомандования от 14 июля 1944 г. (бои за город закончились 13 июля). Командованию всех советских фронтов, участвовавших в изгнании гитлеровцев с польской земли, предписывалось: «ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не входить. Немедленно... разоружать... В случае сопротивления... применять в отношении их вооруженную силу» [23, с. 161—162]. Разоружение началось в тот же день, и как доносил Берия Сталину 20 июля, за два дня было разоружено 6 тыс. чел. На оригинале этого документа Сталин поперек карандашом написал: «Согласен». Он соглашался с направлением «отобранных» солдат и младших офицеров в армию Берлинга «для использования в тыловых частях Красной Армии», и с передачей «представляющего интерес» офицерского состава в «НКВД—НКГБ и контрразведке Смерш соответственно». Остальные польские офицеры подлежали отправке в лагерь НКВД СССР [21, л. 38—39; 26, s. 45—46]. Эта резолюция последовательно исполнялась как в Западной Украине, Белоруссии и Литве, так и на освобожденных от гитлеровцев польских землях [подробнее см.: 4; 13, rozdz. V; 26].

Массовые разоружения, аресты и интернирования солдат и офицеров Армии Крайовой летом 1944 г. стали одним из средств как решения проблемы безопасного тыла Красной Армии, так и реализации геополитических замыслов Кремля в отношении Польши. Они обозначили дальнейшую судьбу этой патриотической организации, внесшей заметный вклад в дело борьбы с гитлеровцами в оккупированной Польше. Можно согласиться с Я. Чехановским, что «действия (командования АК. — А. Н.) на востоке

начали процесс полной ликвидации АК на территориях, занятых советскими войсками» [7, s. 267]. Поражение Варшавского восстания — крупнейшей антигитлеровской акции Армии Крайовой, политически направленной в первую очередь на предотвращение перехода страны под контроль СССР, объективно стало следующим шагом на пути к разрушению структур Армии Крайовой. Еще долго будут идти дискуссии о причинах и виновниках этого поражения, но вряд ли можно оспорить тезис, что в 1944 г. попытка польского правительства и командования АК совместить героическую борьбу варшавских повстанцев против гитлеровских оккупантов с противостоянием СССР и демонстрацией Москве силы к сопротивлению была нереальной. Такое «совмещение» не стало для Сталина препятствием для территориального и политического решения «польского вопроса» в соответствии с его представлениями о советских и польских национально-государственных интересах в послевоенном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М. : Международные отношения, 1999—2006. Т. 4: 1941—1945 годы / В. И. Трубников (гл. ред.) [и др.]. 1999. 696 с.
2. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М. : Международные отношения, 1999—2006. Т. 5: 1945—1965 годы / С. Н. Лебедев (гл. ред.) [и др.]. 2003. 768 с.
3. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии; 1941—1945 / О. А. Ржешевский. М. : Наука, 2004. 564 с.
4. «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944—1945 / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.; Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 448 с. (названные выше работы российских авторов сочетают монографические разделы с публикацией документов).
5. Duraczyski, E. Polska. Dzieje polityczne. 1939—1945 / E. Duraczyski. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1999. 636 s.

6. Skrzypek, A. Mechanizmy uzaleźnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944—1957 / A. Skrzypek. Puitusk : WSH im. A. Gieysztor, 2002. 429 s.
7. Ciechanowski, J. Powstanie Warszawskie: zarys podioia politycznego i dyplomatycznego / J. Ciechanowski. Puitusk : WSH im. A. Gieysztor, 2004. 718 s.
8. Duraczyski, E. Rzód Polski na uchodztwie. 1939—1945: organizacja, personalia, polityka / E. Duraczyski. Warszawa : Księżka i Wiedza, 1993. 487 s.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 354.
10. Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939—1941. Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi. 1939—1941: w 2 t. / kom. red. W. Komogorow [et al]; wybyr i oprac. nauk. Z. Gajnowiczek [et al]. Warszawa : Archiwum MSW i ARP; Moskwa : Zarząd Rejestracji i Zasobyw Archiwalnych FSBRF, 2001. Т. 1. 2001. 724 s.
11. НКВД и польское подполье. 1944—1945. (По «Особым папкам» И. В. Сталина): сб. док. / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; сост.: Т. В. Волокитина [и др.]; отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 1994. 306 с.
12. Парсаданова, В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2.
13. Koiakowski, P. NKWD i GRU na ziemiach polskich 1939—1945 / P. Koiakowski. Warszawa : Bellona, 2002. 387 s.
14. Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941—1942 гг. // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 59—71.
15. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 25.
16. РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 28.
17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (Далее — ДМИСПО): в 12 т. / редкол. И. Ф. Хренов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1963—1980. Т. VII: 1939—1943 гг. 1973. 510 с.

18. ДМИСПО: в 12 т. / редкол. И. Ф. Хренов (отв. ред) [и др.]. М. : Наука, 1963—1980. Т. VIII: Январь 1944 — декабрь 1945 г. 1974. 680 с.
19. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945: в 6 т.: сб. док. / Мин-во иностр. дел СССР; гл. ред. комис.: А. А. Громыко (гл. ред.). [и др.]. М. : Политиздат, 1977—1982. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). 1978. 196 с.
20. Носкова, А. Ф. На пути к созданию ПКНО (российские архивы о роли Москвы) / А. Ф. Носкова // *Raporty i Sprawiedliwość*. 2005. № 8.
21. АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136.
22. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 104.
23. Русский Архив: Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева; Ин-т воен. истории Мин-ва обороны РФ [и др.]. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 14-3 (1): СССР — Польша: 1941—1945. К истории военного союза: документы и материалы / сост.: Н. В. Васильева, С. Я. Лавренов, С. Г. Лукашев, Ю. Н. Петренко. 1994. 492 с.
24. АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26.
25. Русский Архив: Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева; Ин-т воен. истории Мин-ва обороны РФ [и др.]. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 14-3 (2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: док. и материалы, 1944—1945. 2000. 685 с.
26. *Teczka specjalna J. W. Stalina: Raporty NKWD z Polski. 1944—1946 / wyb. i oprac. T. Cariewskaja [et al]. Warszawa : Rytm, 1998. 637 s.*
27. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 105.
28. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953: в 2 т. Документы / редкол. Т. В. Волокитина (отв. ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948. 1999. 687 с.

SUMMARY

The article based on the documents from the Russian archives throws light on the sources of Soviet leaders' attitude towards the Polish Home Army (Armia Krajowa). The author describes the position of Polish and Soviet governments on such problems as military cooperation and post-war boundaries.